

Секс, литература и слова на заборах

Category: Kitapcy, Söhbətdeşlik

написано kitapcy | 24 января, 2025

Секс, литература и слова на заборах СЕКС, ЛИТЕРАТУРА И СЛОВА НА ЗАБОРАХ

14 декабря филолог и лауреат премии «Большая книга» Олег Лекманов читает лекцию «Секс в русской прозе XX века». Мы не дождались и задали ему несколько вопросов

Совсем скоро в Центре Вознесенского в рамках проекта «Одной крови» Олег Лекманов читает лекцию «Секс в русской прозе XX века»: лауреат «Большой книги» расскажет, как писатели развивали тему секса в русской литературе начиная с эпохи модернизма до конца девяностых годов. Вместе со слушателями Лекманов попробует поразмышлять о том, почему русской, советской и постсоветской литературе не всегда удавалось писать о сексе как о прекрасном и «не стыдном» явлении в жизни человека.

Лекция состоится 14 декабря в 19:30 в онлайн-формате. Лекция бесплатная, но чтобы присутствовать на трансляции, необходима регистрация.

Ну а «Год Литературы», не дождавшись означенной даты, задал Олегу Андершановичу несколько вопросов по этой животрепещущей теме.

— Ко второй половине XIX века русская литература, усилиями Достоевского и Толстого, находилась вполне «на уровне» европейской литературы того времени, а в начале XX века русский авангард был, пожалуй, действительно в авангарде. Но уже к концу этого века «отставание» русских сочинителей в освоении новых тем и нового языка стало вполне очевидно. Когда и почему это произошло? Только ли из-за советской власти?

Олег Лекманов: – Литература – это явление многоуровневое. Некоторые уровни великой русской прозы второй половины XIX столетия находились вполне вровень с современной ей европейской и даже выше; а некоторые – гораздо-гораздо ниже. Почему прямые эротические описания в русской прозе этого периода вообще отсутствовали (за единичными исключениями)? Объяснение у меня очень простое. В царской России церковь не была отделена от государства, а ведь она традиционно относится к сексу, не связанному с деторождением, как к чему-то низменному и очень стыдному, как к тому, о чем не следует публично говорить. Соответственно, у нас государственная цензура в тандеме с церковью очень жестко реагировала на любые попытки затеять хоть сколько-нибудь откровенный разговор о сексе. В XX веке всё пошло волнами. После 1905 года, когда цензура была практически отменена, эта тема оказалась в фаворе и у модернистов, и у реалистов. Потом – Первая мировая война и новое ужесточение. Потом два государственных переворота, отделение церкви от государства (в 1918 году) – и короткий «золотой век», сексуальная революция в советской литературе. А потом, с конца 1920-х годов – с усилением влияния бывшего семинариста Сталина – сворачивание эротической темы и объявление порнографией любой попытки заговорить о сексе и о теле. Со смертью Сталина это не кончилось. Удивительным или неувидительным образом советская идеологическая машина от конца 1920-х годов до середины 1980-х подменила собой институт церкви. За целомудрием советских книг в эту эпоху следили очень внимательно, хотя иногда что-то, конечно, и прорывалось в публиковавшиеся тексты.

– Вы – один из авторов подробной биографии Венедикта Ерофеева, признанной в прошлом сезоне «Большой книгой»; «Веничка», как известно, не боялся никаких слов – а нашел ли он «такие слова, которые позволяют писать о сексе»?

Олег Лекманов: – Венедикт Ерофеев был очень ярким индивидуалистом. Тем не менее, его можно включить в большую группу живших в СССР авторов, которые создавали свои тексты

безо всякой надежды на скорую публикацию на родине. Свободный, без оглядки, разговор о сексе стал одним из маркеров этой литературы, которую иногда называют неподцензурной. Тем не менее, я бы не стал перечислять имя Ерофеева в ряду писателей, чьи заслуги именно в этой области очень велики. Единственная эротическая сцена, которая отыскивается в его прозе (знаменитый эпизод с «дьяволицей» из поэмы «Москва – Петушки») – игровая и, кстати, тех самых слов он в этой сцене аккуратно избегает.

Если говорить о русских прозаиках XX века, которые действительно много сделали для формирования языка, которым литература могла бы говорить о теле и о сексе, то это, в первую очередь, Михаил Кузмин (именно как прозаик), Иван Бунин, Эдуард Лимонов, Евгений Харитонов и Владимир Сорокин. При этом Лимонова-прозаика я совсем не люблю (поэта люблю), а к Сорокину отношусь с большим уважением, но в число моих любимых писателей, в отличие от Ерофеева, он не входит. Однако из песни слова не выкинешь – именно эти пятеро мне кажутся главными русскими прозаиками XX века, писавшими о сексе.

-Сейчас, казалось бы, все слова равно пишут и на заборе и в книге, и все ситуации равно признаны достойными описания; тем не менее вы уверяете, что «постсоветская литература пока так и не нашла такие слова». Есть ли надежда? Или это вечная стигма русского языка, как климат и дороги?

Олег Лекманов: – Ну что значит – «Вы уверяете»? Это цитата из анонса к лекции, который составлялся в спешке (как все анонсы) и в то время, когда к работе над текстом лекции я только приступал. Сейчас я бы ответил так: думаю, что писатели с богатым советским опытом, даже такие прекрасные, как, скажем Владимир Маканин, органично писать о сексе были не способны. Они никуда не могли деться от чувства своей вины за то, что они эту тему затрагивают, или от осознания собственной эстетической смелости (как, кстати, на мой взгляд, автор «Москвы – Петушков»). И это неизбежно окрашивало текст. А вот те писатели, чей советский опыт минимален, те, для кого

написать слово «х*й» или «ж*па» не на заборе, а в тексте, причем употребить эти слова не в переносном смысле, а в прямом, так сказать, функциональном, вот они простой и выразительный язык находят и уже нашли. Когда читаешь сексуальные сцены в их произведениях, то не стыдно, ни за них, ни за себя.

Вопросы задавал Михаил ВИЗЕЛЬ.

Международный проект Центра Вознесенского «Одной крови» запущен 1 декабря, во Всемирный день борьбы со СПИДом. На материале историй реальных людей, работ российских и зарубежных писателей, режиссеров, музыкантов и философов авторы проекта совместно с партнерскими площадками и медиа предлагают осмыслить травму ВИЧ в современной культуре и исследовать то, как болезнь отражается на художественном языке.

«Одной крови» проходит до 22 декабря, в программе – лекции, дискуссии, перформансы, концерты, кинопоказы, спектакли, а также запуск издательских и дигитальных проектов. Среди участников – писательница Линор Горалик, режиссер Владислав Наставшев, художница Ольга Кройтор, философ Валерий Анашвили, драматург Валерий Печейкин, литературовед Олег Лекманов, поэт и литературный критик Дмитрий Кузьмин, руководительница и солистка ансамбля KUMATIS Алина Петрова и многие другие.

Söhbətdeşlik